

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Денис НОВОЖИЛОВ

ТРИДЕВЯТОЕ ЦАРСТВО.
ВОЙНА ЗА ТРОН

Роман

Москва, 2014
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Н74

Серия основана в 2004 году
Выпуск 541

Художник
С. А. Григорьев

Новожилов Д. К.

Н74 Тридевятое царство. Война за трон: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 345 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1827-5

Военный поход Кошеч Бессмертного на княжество Василисы Прекрасной запускает цепь событий, предсказать которые заранее не мог никто. Все более загадочные и неожиданные силы вступают в затеянную игру, все туже затягивается узел противоречий, развязать который кажется уже невозможным. Кошей Бессмертный и русские богатыри, великий князь Владимир и таинственный Кот Баюн, степная орда хана Картауса, зловещий князь Даниил, легендарный купец Садко, правители загадочного Китеж-града, шамаханская царица и многие другие сходятся в начавшейся схватке, и всякий убежден, что именно ему суждено победить, ведь у каждого припрятан в рукаве свой козырь.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1827-5

© Новожилов Д. К., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

Там русский дух... там Русью пахнет!
А. С. Пушкин

Глава 1 ОХОТНИК НА БОГАТЫРЕЙ

Погода стремительно портилась, вдали набухали сиренево-черным цветом тучи, грозя скорым дождем. Дождь — он земледельцу в радость, а вот загонщиков, что неслись по зеленому лугу во весь опор вслед за сворой собак, он явно не радовал.

— А может, и правда просто волк? — Псарь Мага держал поводки своей своры. Собаки, здоровущие волкодавы, чуяли след и рвались в лес, но Маге эта идея явно не нравилась. Он обращался к главному в их небольшом отряде, крепкому степняку в добротном стеганом халате.

— Твои слова бы в уши духам, — десятник Мансур Кулабай угрюмо посмотрел в сторону леса; чувства Маги он разделял полностью, в лес ему тоже не хотелось, — вот только нельзя нам в такую удачу верить.

Люди говорят, что собаки беду чувуют, но Мансур давно наблюдал за псами и был уверен, что ничего они не чувуют такого, что могли бы. Собака, она зверь верный и при правильном обращении — полезный; встречались ему среди них даже весьма умные зверюги, вот только такого свойства, как предчувствие беды, собака лишена напрочь.

Это Маге надеяться можно на то, что преследуют они обычного волка — так пока даже лучше, помогает отогнать страх, от которого не избавиться, стоит лишь вспомнить, кого они, судя по всем признакам, гонят на самом деле. Впрочем, на десяток свой Мансур жаловаться бы не стал, это другие пусть жалобятся, а у него люди опытные. Если уж кому это дело по плечу, так это им: лучших и не сыскать во всем тумене, что привел за собой Бердибек, млад-

ший сын великого хана Картауса. Почитай, все они не первый год по степи с саблей ходят, разве что Йолай молод, ну да он сокольничий, с него за птиц спрос, а не за лихость в рубке рукопашной. Сейчас весь десяток смотрел на своего вожака с вопросом и плохо скрываемой надеждой: «Не отвернуть ли?» Даже болотник — уж на что, казалось бы, силен да глуп — и тот как-то странно водил мордой, покрытой толстым слоем мха и тины. Впрочем, болотники вдали от болот всегда были немного не в себе: иди пойми, что его беспокоит, опасность или отсутствие родного болота — разговаривать-то не умеет.

Решать надо было сейчас, и сделать это было ой как не просто — слишком уж хорошо понимал Мансур, что не станет обычный волк тенью шастать по спящему лагерю степняков. Волк, он от людей с таким количеством оружия, собак и огня держаться будет подальше, потому как не похожа армия кочевников на легкую добычу, как ни смотри, да и вообще на добычу не похожа. А этот волк не только влез в лагерь среди ночи, но и вполне мог увидеть то, что от чужих глаз спрятать пытались тщательно. Мог, проклятуший, еще как мог! Близко подобраться ему, конечно, не дали — в ближнем кругу в дозоре не степняки стояли, а Кошечевы вурдалаки, тех так просто не обойдешь, — но леший его знает, что он сумел углядеть. А стало быть, отпускать его ну никак нельзя. Ну а поскольку разведчика проморгали воины хана Бердибека, то и ловить его кому, как не им? И кому, как не ему, Мансуру Кулабаю, сыну Зарги Кулабая по прозвищу Смерть богатырская, поимку прознатчика вражеского возглавить?

Отец его и правда во времена Тугаринова похода, под Киевом, сумел убить богатыря, так что прозвание его пустой похвальбой не было. История эта со временем обросла легендами, порой можно было услышать аж о десятке богатырей-гигантов, но сыну ее Зарга рассказывал, как было: не затем, чтобы похвастать, а чтобы научить. Набег тогда уже к закату шел, добычу войско богатую взяло, но Тугарин, прежде чем назад в степь широкую воротиться, решил столицу Руси в сабли взять. Войско царское тогда

уже разбито было, главные богатыри — кто ранен, кто убит, так что город захватить думали быстро. Ворота пробили споро, да тут и встали. В проходе богатырь оборону держал, юный совсем, на две головы ниже даже невысоких степняков, но сила богатырская в нем уже была. Меч его прорубался сквозь тела, словно нож сквозь масло, и стрелами засыпать не удавалось — мал он был, за щитом, почитай, весь и укрывался. Не одну дюжину бывалых воинов сложил, пока отцово копьё его настигло.

— Как бы ни был силен богатырь супротив обычного воина, а и его, умеючи если действовать, погубить в бою можно, — так всегда отец историю эту заканчивал, — все умирают.

А ведь победить богатыря сейчас как раз и надобно, да богатыря не простого, самого Вольгу Святославовича. Сказал — и самому страшно стало, а только Вольга это, сомнений тут быть не может, потому как некому больше. Раз уж пошли в набег с Кощеевой армией на царство Тривосьмое, так богатырей вражеских знать ему отец наказал на строго. Да и много ли знать — четверо всего богатырей в Тривосьмом царстве и есть, а волком среди всех только один оборачивается. И по всему видать, что в этом лесочке он сейчас сидит. Хорошо, соколов охотничьих быстро подняли, не то лебедем бы оборотился и ушел — лови птицу в небе. Нет, тут он спрятался: до ближайшей речки, где можно осетром уйти, не успел бы по открытому полю — кони бы догнали, небом тоже не уйти ему — соколы так и кружат, любую птицу влет бьют, да и собаки вон как надрываются, чуют чужака.

— Тут он, в лесочке этом, — подъехал сбоку на своем черном как уголь коне Улугбек, самый сильный из десятка: видать, те же мысли у него, что и у Мансура, — негде ему больше быть.

Мансур задумчиво кивнул; теперь бы сообразить, как половчей богатыря взять. Пусть и стоит за спиной десяток опытных воинов, полдюжины здоровых волкодавов да болотник — по всему, должно хватить, — а все одно боязно на богатыря лезть.

— Может, поджечь лес? — Мага снова одернул беснующихся собак. — Дымом его «обрадуем»...

— Лес зеленый — дождь был с утра, не разгорится; да и тучи вон собираются, как бы грозы не было. — Улугбек никогда не согласился бы с планом Маги, даже если бы лес был сух: эти двое всегда соперничали во всем. Мансур их соперничество одобрял, но никому из них своего расположения без причины не выказывал — пусть каждый старается быть более полезным, ему, десятнику, от этого одна польза.

— Времени нет, — хмуро сказал он, — пока будем разжигать, стемнеет уже, в темноте он проскочить сможет, да и дождь собак со следа собьет.

Думал Мансур не так долго: сам он, Мага с собаками и еще четверо с болотником входят в лес, идут за собаками по следу, Улугбек с остальными вокруг леса на конях кружат, если волк выскочит — в копыта чтобы сразу взять.

— Может, все-таки просто волк? — угрюмо ворчал под нос Мага, когда они въезжали в лес. — Ну сунулся от башки своей дурной аль с голодухи в лагерь, думал барана утащить, да вурдалаки его и спугнули.

— Помолись Великой Кобылице, Мага, чтобы так оно и было, — усмехаясь, ответил Мансур, — волка-то взять не так сложно. Смотрите вокруг внимательно, Вольга в зверя может оборотиться.

Сам Мансур боялся ничуть не меньше других, а только как бы боязно ни было, но уж больно хотелось ему богатыря одолеть. Отца его во всей степи знали, гремело имя его среди шатров: Зарга — Смерть богатырская! Отец уже не молод был, а вот, говорят, по весне еще одну жену взял, молодую да красивую. Вернуться бы к отцу да рассказать, как он Вольгу одолел — это тебе не младший богатырь, это сам Вольга. Осталось его отыскать только. И ведь тут он где-то спрятался! Смотрит небось на них из-за куста... ну да смотри сколько хочешь — готовы все.

Болотник одной лапой смахнул очередное дерево, вставшее на пути, и отряд вышел на небольшую полянку. Собаки рвались с поводков, лая на огромный дуб, что сто-

ял в ее центре. Болотник нерешительно замялся: рядом с дубом что-то ощущалось, и оно было совсем необычное. Собаки лаяли на дуб, но Мансур ничего не видел, как ни пытался.

— Спусти собак, — приказал он Маге, — остальные — будьте настороже.

Степняки наклонили копыта, и псы стремглав кинулись к дубу, но, добежав, принялись в недоумении кружиться вокруг: они явно что-то чуяли, но похоже было, что и сами не понимали что. Отругать бы бестолковых зверюг, но вот дела — ведь и люди что-то чувствовали. Сам Мансур явно чуял — что-то тут было... *не так*.

— Нехорошее тут место. — Мага указал острием сабли на что-то белеющее в траве возле корней.

Мансур спешил посмотреть, что там белеет в корнях. Стеганой рукавицей он провел по ним, счищая землю и траву: вокруг корней дуба все было усеяно человеческими черепами. Он смахнул траву еще в нескольких местах и убедился, что черепа на полянке везде.

Болотник рыкнул, но не злобно, а как-то даже тоскливо.

Воины десятка пятились назад, глядя, как копыта коней отрывают все новые и новые черепа.

— Они тут давно, — отметил Мансур вслух то, что было очевидно и так. Богатырь тут явно ни при чем: пользы ему от этих черепов никакой, да и когда бы он успел все это устроить? Место, конечно, странное — черепа эти, дуб старый на полянке? — но почему-то не зловещее. Он кинул взгляд на собак и своих воинов, и страха ни в ком не увидел, скорее растерянность. Воины мялись, не зная, куда встать, чтобы не раздавить очередной череп, собаки беспокойно и растерянно бегали туда-сюда, но не похоже было, чтобы это место кого-то пугало или угнетало.

И тут всех удивил болотник. Снова рыкнув, он вскинул лапу и вонзил ее прямо в дуб, а потом резко выдернул назад, сжимая в ней огромного черного зайца, и, не дожидаясь, пока кто-нибудь успеет рассмотреть его добычу, резко шарахнул зайцем по дубу со всей своей нечеловеческой силы. Все произошло настолько быстро, что Мансур не

успел даже удивиться; вот болотник смотрит на дуб и негромко рыкает, а вот у него уже в лапедохлый черный заяц.

Первым пришел в себя Мага, начав вдруг громко смеяться, и его смех потихоньку начали подхватывать и остальные.

— О великий болотник, победитель богатырского зайца, — произнес Мага, давясь хохотом.

— Вольга ли это? — засомневался Мансур. — Не слышал я что-то, чтобы он в зайца оборачивался. В волка — да, в горностаю — слышал, в лебеда...

— Разве обычные зайцы такими бывают? — Мага разглядывал тушку в руке болотника: заяц был огромный и абсолютно черный. Нет, как ни смотри, а зайцы такими не бывают.

Ситуация и впрямь была забавная, но и непростая тоже. Конечно, зайца-Вольгу зашиб болотник, а болотник был придан их отряду из войска Кощя — само Лихо Одноглазое выделило для усиления. Это все так, но есть в этой ситуации один момент, крайне важный: болотник туп и разговаривать не умеет. А что из этого момента следует? А следует то, что летучий отряд степного войска хана Бердибека под командованием сына великого Зарги Кулабая, то есть под его, Мансура, командованием, победил богатыря Тривосьмого царства Вольгу, да еще и без потерь обошелся. А то, что болотник помог — так на то он и придан. А выходило-то здорово, выходило все замечательно просто!

— Какой такой болотник, — удивленно поднял бровь Мансур, — я вот видел своими глазами, что богатыря зашиб я, своим собственным кулаком, — он поднял кулак к лицу Маги и внимательно осмотрел лица воинов своего десятка, — и, надо заметить, я бы не сладил с ним сам, если бы Мага его до этого не оглушил.

Мага понял все достаточно быстро, он вообще был толковым малым:

— Так ведь и братья Кузыр и Азыр его до этого измотали, а то оглушить его и не вышло бы.

Отряд зашумел, каждый предлагал историю на свой лад, да такую, где именно он представлял героем. Через непродолжительное время картина прошедшего боя была готова и утверждена. А проходил бой с богатырем, по единому мнению отряда, следующим образом.

Болотник богатыря спугнул, после чего с ним бились на саблях и копьях все в отряде: даже те, кто сейчас вокруг леса патрулировал, и те поучаствовали. Степняки рубились с богатырем, пока он не понял — таких бравых воинов даже ему не одолеть. Тогда Вольга трусливо решил ускользнуть и для скорости бега превратился в зайца, после чего Мага его оглушил, а Мансур нанес решающий удар, который и оказался смертельным. Когда общая картина боя с богатырем была согласована и проговорена трижды, Мансур наконец подошел к болотнику и, ласково улыбаясь, взял из его лапищи заячью тушку.

Заяц и вправду был необычным, пусть и не были степняки на зайцев охотниками, а тут и любой скажет — не заяц это вовсе, а заколдованное что-то.

— Не заяц это, — подтвердил мысли своего командира Мага, оглядев тушку, остальные согласились, и только болотник что-то тоскливо рыкнул.

— Вообще, болотник тоже нам помогал... — Мансур решил не обижать никого: славы от победы над богатырем, да еще таким, как оборотник Вольга, хватало на всех, как ее ни дели. Воины согласно загомонили: настроение у всех было хорошее; жалко им, что ли? Решил командир, что болотник помогал, значит, так тому и быть, тем более он и правда помог немного.

— Пусть его в войске Кощея похвалят или наградят, — весело сказал Азыр. — Кто знает, как там болотников у них награждают?

— Золота ему не надо, женщин и славы — вроде тоже, что он ест — вообще непонятно... — задумчиво протянул его брат.

— Его Лихо Одноглазое самолично по голове погладит, — хохотнул Мага.

Мансур сунул зайца в седельную сумку и вскочил на коня. Отряд, весело перешучиваясь, направился к выходу

из леса, собаки вели себя спокойно, и только болотник почему-то все время оглядывался, но все же шел следом.

— Я слышал, болотник может лошадь в небо закинуть. — Азыр любил поболтать, он всегда что-то где-то да слышал. Степняки-кочевники редко сталкивались с болотниками, все же в степи болот немного, а вот у Кощея в армии болотники? или, как их еще называли, багники? были. Не то чтобы много, но с дюжину, наверное, набралось бы. В войске, что пошло на Тривосьмое царство, таковых было трое. Существа они не то чтобы злобные — если болотника специально не злить, тот человека не трогал? — но могли раздавить довольно легко, не со зла, а случайно. К счастью для людей, они послушны: сказало Лихо Одноглазое — иди, помогай степнякам и слушайся их командира — болотник идет, помогает, слушается.

Весело балагурия, отряд выехал из леса, туча шла стороной, и дождем накрыть отряд не должно было.

— Улугбек просто умрет от зависти, — весело произнес Мага, — все помнят, что он хоть и измотал богатыря, а все же ни разу того не ударил. — На этой подробности Мага настоял особенно. Остальные весело посмеялись, предвкушая, как Улугбек будет злиться на Магу и возмущаться, громко размахивая руками.

Мансур остановил коня и огляделся. Что-то холодное и липкое поползло от ног к животу: вокруг леса никто не нарежал круги. Не могли же они...

— Улугбек! Йолай! — крикнул он, оглядываясь вокруг.

Ответом ему была тишина. Отряд быстро рассыпался, выискивая следы пропавших товарищей; степняки носились вокруг, выкрикивая имена и оглядываясь по сторонам. Первым следы нашел уже отличившийся сегодня болотник.

Мансур с Магой услышали вой багника из оврага и кинулись туда.

Улугбек лежал, глядя в небо своими карими глазами, из груди его торчала рукоятка сабли. Мансур узнал ее сразу — он сам подарил эту саблю самому молодому в их от-

ряде, Йолаю. Йолай попал в отряд не просто так, он был сыном его дяди. Хоть они и не росли вместе, а все же родная кровь, да и с соколами Йолай обращался на зависть многим — птицы у него в порядке были всегда.

— Не мог Йолай предателем оказаться. — Мансур прочистил резко пересохшее горло, представив себе, как он скажет дяде такую новость.

Однако Йолай не был изменником: его нашли в соседнем овражке, разбитая грудь с торчащими наружу ребрами не оставляла никакой надежды. Йолай умирал, и очень быстро.

— Брат, — прохрипел Йолай, выплевывая сгустки крови. Раньше он никогда не смел называть его так, но сейчас уже было все равно, — прости, брат, это был Вольга, он слишком быстро... — раненый снова закашлял кровью, — только что волком... — Йолай собрал последние силы и махнул рукой в сторону от леса, — туда, к реке.

Мансур бросил взор в ту сторону, куда показывал умирающий родич. Вдалеке, у самой кромки реки, мелькала черная фигура. До реки волку оставалось совсем немного — не успеть перехватить. Наконец фигура прыгнула в реку, в полете оборотилась осетром и, блеснув напоследок на солнце, ушла под воду.

Мансур вспомнил, как отец рассказывал ему про Вольгу. Зарга после своего подвига увлекся богатырями и собирал все, что можно было о них узнать, даже слухи. Шутка ли, отец научился и читать и писать, в его-то годы. Большую часть добычи он потратил на пленного книжника из Шамаханского царства и учился старательно, сына же учил грамоте смолоду. Грамота была у кочевников не в чести: вострая сабля да верный конь — лучшие друзья воина, а во все не чернила и перо. Но к странностям героя относились с пониманием — раз победил богатыря, можешь и почудить. В записях отца про Вольгу было написано следующее:

«Богатырь Вольга Святославович, или же Волх Всеславович, понимает язык гадов земных, птиц небесных и прочих тварей, умеет оборачиваться волком и лебедем, говорят также, что способен принимать образ осетра и пла-

вать в водах не только речных, но и морских. На службе Василисы Прекрасной, княгини Тривосьмого царства, состоит и врагам царства спуску не дает».

«И ни слова про зайца», — запоздало подумал Мансур.

Богатырь и лучший разведчик Тривосьмого царства побывал в лагере армии, видел там то, что врагам Кощея видеть было никак не должно, и ушел к своим. И упустил его Мансур, сын героя и победителя богатыря, потеряв при этом несколько своих лучших людей, включая своего родича — славного малого, сказать по чести. И теперь ему придется сообщить об этом хану. Где ты, бывлая веселость, — ушла безвозвратно.

А что у нас из хороших новостей? Ах да, болотник ненароком зашиб какого-то странного зайца. Ну за эту новость хан все простит.

Мансур угрюмо глянул в сторону реки. Ему нестерпимо захотелось завывать, подражая багнику.

Глава 2 К ВОПРОСУ О БОГАТЫРЯХ

В горнице Василисы Премудрой никогда не бывало прибрано, тут всегда лежали вповалку свитки, карты, фолианты и предметы, понять предназначение которых было порой крайне непросто. Был уже поздний вечер, однако в горнице горели свечи, разгонявшие вечерний полумрак. Василиса часто засиживалась допоздна: в отличие от своей сестры, тоже Василисы, но прозываемой Прекрасною, Премудрая больше любила вечер, чем утро. Сидя за столом, она внимательно изучала карту на холсте, где цветным шелком были нанесены границы государств и княжеств. Рядом с ней примостился удивительный кот. Он был бы совсем обычным — черный кот с белыми «сапожками» на лапках, — вот только вряд ли обычные коты умели говорить. Василисин же кот такой способностью обладал, хотя речь и давалась ему с трудом. Кот Ученый был одной из множества диковин в богатой коллекции

княгини Тридесятого царства. Все знали о всепоглощающей страсти Василисы Премудрой к необычным вещам и явлениям, и купцы Тридесятого царства всегда старались порадовать свою княгиню каким-нибудь подарком. За окном княжеского терема продолжал шуметь Господин Великий Новгород, большой торговый город, никогда не засыпавший окончательно. Деловая суeta не останавливалась ни на мгновение, хоть и снижалась к вечеру. Василиса Премудрая склонилась над картой и рассеянно погладила кота, который тоже внимательно вглядывался в вышитое шелком изображение.

— Снова не выходит, — расстроилась Василиса. Она выглядела опечаленной.

— Ошибка, возможно. Неверный источник. — Коту фразы давались с трудом, говорил он быстро, словно выплевывая слова, однако связать больше двух подряд у него никак не выходило, хотя он и очень старался. В последнее время кот делал явные успехи, Василиса даже услышала однажды фразу из трех слов. Несмотря на странную манеру его речи, Василиса знала, что Кот Ученый достаточно умен и наблюдателен, и давно находила его наилучшим собеседником, предпочитая именно с ним обсуждать забавившие ее вопросы.

— Хорошо, — согласилась Василиса, кивнув коту, — давай попробуем еще раз, а ты следи за правильностью моих размышлений и выводов.

— Проверять. Важный вопрос. Много раз. Необходимо, — ответил кот в свойственной ему манере.

— Богатыри существуют, — начала Василиса Премудрая, — мы легко можем поговорить с Ильей Муромцем или сходить в гости к Колывану, который качал меня на руках в детстве.

— Богатыри существуют. Бесспорно. Сомнений никаких, — согласился кот.

— Еще мы знаем, что богатыри наделены огромной силой, совершенно недоступной для обычного человека, а также тем, что мы называем богатырским здоровьем. Богатырь может пить яд, есть отраву — и ничего ему не будет,

разве что живот скрутит слегка. На богатырях необыкновенно быстро заживают раны.

— Как кошки. Кошки зарастают. Раны. Быстро.

— Кончай шутить, — рассердилась Василиса, — мы уже проверяли: кошки не обладают каким-то особенным здоровьем, обычные звери, только живут рядом с людьми. Это всего лишь людские пересуды да домыслы.

— Грустная участь. Проверка предположения.

Кот невзначай напомнил Василисе о печальной судьбе тех кошек, которых та использовала для проверки пословиц и поговорок о том, что у них девять жизней и что на кошках все заживает быстро.

— И все же среди животных встречаются случаи восстановления, — Василиса была слишком погружена в свои размышления, чтобы понять намеки кота, — например, если у ящерицы оторвать хвост, он отрастет опять. Я называю это природным восстановлением, но у богатырей все совсем не так. Если богатырю отрубить ногу, она не прирастет назад, а если отрубить голову, то он умрет. Многие раны для богатыря так же смертельны, как и для обычного человека. Так что первый вопрос у нас — от природы ли богатырская сила?

— Недостаточно данных. Нужно проверить. Отсутствие объекта. — Кот задумчиво почесал лапой за ухом.

— Да, в нашем княжестве богатырей нет, — расстроено произнесла Василиса, — некого нам исследовать, тут ты прав.

— Не доказано, — не согласился кот. — Отсутствие известности. Возможно, скрытность.

— Ты предполагаешь, что возможно наличие богатыря или даже нескольких богатырей, о которых мы не знаем?

— Вероятность присутствует. Не ноль.

Василиса задумалась.

— Да, но почему он скрывается тогда? Почему не объявится? Разве же можно скрываться долгие годы, не давая о себе знать?

— Возможно. Илья Муромец. Пример. Возможно, другие.

— Ага, — кивнула, соглашаясь с котом, Василиса Премудрая, — Илья Муромец жил в своей деревне тихо, и никто не знал, что он богатырь. До тридцати трех лет умудрился пролежать на печи и явил себя богатырем только после того, как на Муром пришли набегом степняки. Но зачем он скрывался? Почему не явил себя раньше?

— Злой умысел. Скромность. Причин много. Спросить.

— Я спрашивала, — вздохнула княгиня, — да только он не ответил; отшутился, что, мол, спать хотелось чрезмерно. Но согласись, что Илья Муромец и злой умысел как-то не вяжутся.

— Вероятность мала, — согласился кот. — Не ноль. Маловероятно. Наблюдения. Много лет.

— Верно, мы Илью много лет знаем — уж то, что он не злой и тайных умыслов не имеет, это можно сказать наверняка.

— Воевода. Убивает людей. Себе подобных. Разумных, — вяло попытался поспорить кот.

— Илья землю свою защищает от врагов, — не согласилась Василиса, — это не то же самое, что обычные убийства. К тому же не похоже, чтобы он получал от этого удовольствие. Кстати, вот еще одно наблюдение: все богатыри служат верой и правдой своему народу, государству, князю; всегда кому-то или чему-то служат. Почему никто из них не живет для себя?

— Воспитание. Высокая мораль. Критерий отбора. Возможно.

— Верно, — согласилась Василиса. — Логично предположить, что богатырями становятся те, кто верой и правдой служит своему государству и народу. Однако это не так: мы знаем, что стать богатырем нельзя, им рождаются.

— Отсутствие образца. Возможно. Недостаточность наблюдений.

— Ни один из богатырей не стал им, — веско произнесла Василиса, — ни сейчас, ни в прошлом; все были рождены. А как угадаешь, кем вырастет младенец? Ведь все они из разных семей: Илья Муромец в крестьянской семье рос, а Ставр — в боярской, Микула Селянинович из крестьян

опять. Вольга же и вовсе подкидыш. Аника-воин в семье витязя родился, а Добрыня Никитич — наш дальний родственник — из княжеской семьи. Обрати внимание: все судьбы разные, в разных семьях росли и в разных условиях.

— Предвидение возможно. Нельзя отбрасывать, — предположил Кот Ученый, размышляя.

— То есть мы допускаем, что силой богатырской младенцев наделяет какая-то разумная сила, способная предвидеть будущее? — Василиса внимательно посмотрела на кота. Тот, не чувствуя за собой уверенности, замялся:

— Нельзя исключать.

— Тем не менее некоторые богатыри умирают в детстве, ничего не успев совершить — такое редко, но случается. Казалось бы, если ты разумный и видишь будущее — зачем наделять силой того, кто ничего не совершит? Не сходится...

— Не сходится, — признал кот сокрушенно, но тут же предположил: — Возможно, обман. Заметание следов.

— Какая-то сила настолько разумна, что просчитала, что мы с тобой будем размышлять над этим вопросом, и, чтобы обмануть нас, специально наделила богатырской силой тех, кто погибал без свершений? И делала так столетиями? — Василиса с издевкой смотрела на кота.

— Маловероятно, — признал кот, но до конца не сдался: — Нельзя исключать.

— Когда дело касается богатырей, слишком много концов с концами не сходится, — расстроено произнесла Василиса. — Вот, например, почему богатыри рождаются только на Руси?

— География. Климат. Природная аномалия.

— Допустим. Тогда встает вопрос: почему с момента нашего княжения ни один богатырь не родился? Да не только у нас, в Тридевятом царстве то же самое и в Тридесатом, у сестрицы моей. — При воспоминании о своей сестре Василисе Прекрасной хозяйка терема почувствовала во рту оскомину, как будто съела что-то кислое. — Когда была Русь единой, — Василиса обвела пальцем границы на

карте, — родились в ней богатыри, а появились наши царства — рождаться перестали.

— Целое родит. Части — нет. Необходимость целого, — предположил кот, задумчиво глядя на карту. Палец Василисы переместился по ней к западу.

— Вот тут лежит своими землями Белое королевство, единое, и не рождаются там богатыри. Опять не сходится.

Кот крепко задумался. Палец княгини двинулся по карте далеко на восток, проскочив все русские земли.

— А вот тут Великая степь лежит, — продолжала Василиса, — тут батыры появлялись. Пусть батыр и не чета нашим богатырям, но тоже человек необычный: сильней любого воина. Пока степняки племенами жили, так там рождались батыры, а теперь степь единая под властью хана Картауса, а батыров что-то не видеть.

— Мяу, — беспомощно ответил кот, не придумав, что еще сказать.

— То-то и оно, — грустно заметила Василиса, — никак этих богатырей не понять, никак не уложить в какие-то рамки. Что-то мы все-таки упускаем, что-то важное не видим...

— Не люди. Волшебные существа, — предположил кот, с надеждой глядя на княгиню.

— Опять же предположим, что богатырь не человек, а такое волшебное существо, только похожее на человека. Отбросим даже то, что рождаются они у обычных людей, и то, что у них самих рождаются дети, — вон у Ставра их сколько... Но ведь есть же еще то, что мы называем черными богатырями. Например, Лихо Одноглазое или Идолище Поганое — не больно-то они на людей похожи.

— Черный богатырь. Не богатырь.

— Если ты начинаешь отмечать факты просто потому, что они тебе не нравятся, ты не на верном пути. — Василиса Премудрая строго посмотрела на Ученого Кота. — Сила богатырская у них есть, никуда нам не уйти от этого. Опять не сходится.

— Слишком сложно, — пожаловался кот. — Недостаточно образцов. Наблюдения сторонние. Нечистые.

— Да, это непростая задачка, — согласилась Василиса, — а только кому, как не нам с тобой, ее разрешить? Я, Василиса, что зовут Премудрой, да ты, Кот Ученый, — кто сможет лучше нас справиться? Если появление богатырей случайно, почему оно происходит только на нашей земле, почему каждый из них обязательно служит верой и правдой? Даже черные богатыри и те Кощею служат. Если же не случайно — а я убеждена что какая-то закономерность тут есть, — нам надо ее найти и понять.

— Любопытство. Очень любопытно. Сложная задачка. Интересно разгадать.

— Любопытство, конечно, всегда присутствует, — согласилась Василиса, поправив свою косу, — а вот только представь, что мы пойдем закономерность, по которой появляются на свет богатыри. Тогда, возможно, мы сумеем создать эти условия. Представь, что будет, если у нас появятся не один-пять-десять, а сотня или тысяча, или даже целая армия богатырей!

— Непобедимая сила. Абсолютно.

— Сила богатырей опять же задачка непростая, — вздохнула Василиса. — Святогор, наверное, гору может свернуть, а Аника-воин всего лишь намного сильнее и быстрее обычного воина. Выстави против него десяток — и чья возьмет, еще вопрос.

— Загадки. Задачи. Сложно, — честно признался Кот Ученый.

— Так ведь и мы с тобой не лаптем щи хлебаем, — улыбнулась коту Василиса Премудрая.

Кот Ученый сокрушенно мотал головой; было видно, что он окончательно запутался.

— Пойду. Мышь поймаю. Подумаю.

Глава 3 ИВАН ДА ЯМА

В голове пленника пульсировала одна цифра, и была эта цифра двойкою. И никакой возможности прогнать двойку из мыслей своих не было. Рыхлишь землю — и ви-

дишь два пальца, вывозишь землю — и снова двойка перед глазами. А двойка — это уже много, двойка — это гораздо больше единицы.

Иван совсем приуныл, вяло ковыряя каменистую землю и думая свою невеселую думку: по всему выходит, пропал ты, Ваня. Ох, Иванушка, и дурачок же ты, пропадешь с двойкой своей... И два же дня осталось до того, как к пленникам спустится Вий.

Иван понуро оглядел своих собратьев по несчастью, что суетились вокруг него: такие же люди, как и он сам, уныло рыхлили землю, вот только ни у кого из них не было ни одного замечания, а у него-то — уже два... Опять эта двойка. Иван попытался не думать о ней, но она снова и снова всплывала. Сколько Иван сидел в этой яме, он уже и не помнил — давно. Когда его сюда привели, глубина ямы была всего в два роста человеческих, а теперь посмотри-ка: настоящая пропасть — пока землю на поверхность вытащишь, так устанешь смертельно. Целый дворец уже, наверное, можно в такой яме спрятать, а они все роют и роют, вгрызаясь в землю глубже и глубже. Насквозь, что ли, землю прокопать хотят, упыри проклятые? С них станется... Один из упырей прошел мимо, смотря по сторонам: кто копает, а кто нет. Поначалу Иван радовался тому, что вурдалакам нет до пленников никакого дела — они не издевались, не подгоняли, никогда никого не били, просто ходили и смотрели, и даже того, кто нарушал правила, не наказывали, а просто подходили и показывали один палец, что означало одно замечание. Правила были простые: копай и не обижай других пленников. Первые несколько дней Ивану даже казалось, что все совсем неплохо: не бьют, спать дают вволю, не изматывают, даже кормят сытно и вкусно — тех, кто копает. Иногда заглядывал гигант, толстый, как вековой дуб, с острыми когтями на руках и страшным нечеловеческим лицом. Иван узнал его по черным как смоль доспехам: это был черный богатырь Кощя, Идолище Поганое. Страшные сказки о нем рассказывали и Ивану в детстве, но здесь он обращал на пленников не

больше внимания, чем остальные вурдалаки. Казалось, все, что его волновало, — это глубина ямы.

А потом, на седьмой день, в яму спустился Вий. Он всегда приходил на седьмой день, и картина эта неизменно повторялась каждый раз, но его первый спуск Иван запомнил навсегда. Колода, мужик из его деревни, с которым они и попались, копать вообще не стал, — мол, пусть пропадут эти упыри. Каждый вечер к нему подходил один из упырей и показывал палец, но Колода только презрительно смеялся в ответ. Еды Колоде не давали, но Иван с ним делился, вначале тайком, но потом проходящий упырь заметил, как Иван дает Колоде еду, и равнодушно прошел мимо, ничего не сделав. «Что же это за плен такой, где можно не работать вовсе, а тебе не кнут, а только пальцы показывают?» — потешался Колода, но остальные пленники что-то не стремились следовать его примеру, смотрели на него с грустью и сочувствием. Потешался он аккуратно до первого прихода Вия. На седьмой день в яму спустилось пугающее существо, похожее на огромного, сторбленного и уродливого старика с большими выпученными глазами и тяжелыми веками. Казалось, он смотрел только себе под ноги, медленно шаркая в центр ямы. Заняв место по центру, он гулко произнес: «Я Вий, я судья!»

Позже Иван понял, что этот ритуал повторяется каждый седьмой день: Вий спускался в яму и спрашивал упырей, у кого из пленников больше всего замечаний на данный момент. Один из упырей тогда равнодушно указал пальцем на Колоду. Иван снова вспомнил этот день, и его начало колотить. Вопли Колоды, которого пожирали заживо, до сих пор стояли в ушах, а его глаза, полные ужаса и боли, Иван не сможет забыть уже никогда.

Правда, пока выходит так, что осталось этому «никогда» всего *два* дня. Через *два* дня Вий спустится опять, и в этот раз очередной упырь укажет пальцем на Ивана, у которого два замечания. Опять проклятая двойка, никуда от нее не деться! Иван снова мрачно осмотрелся — его все так же окружали бедолаги, как и он сам. Они вяло ковыряли землю и вывозили ее из ямы, а упыри все так же равно-

душно ходили мимо. Именно это равнодушие и не оставляло Ивану никакого шанса — с упырями нельзя было договориться, сказать: «Я болею, отработаю завтра вдвое». Им было все равно, лежишь ты больной в горячке или нет, — раз не работаешь, то получай замечание.

Иван наполнил мешок землей и потащил наверх. Вдоль краев ямы спиралью шла дорога: пока выберешься, кругов нарежешь не один десяток, да каждый круг все больше и больше. Наверху стоял шум — упыри привели новых пленников. Иван попытался рассмотреть их повнимательней: пятеро рослых мужиков в порванных варяжских одеждах, все в ссадинах и кровоподтеках. Судя по всему, эти без боя не сдались. Иван давно понял, что совладать с упырем в рукопашном бою — дело гиблое. Теперь ряды познавших эту истину пополнились. «Варяги, — подумал Иван, — заплыли, видно, не туда или зверя били в глухом лесу, думая, что тут-то нет никого, кому было бы до этого дело». Он и сам так же попал сюда с Колодой — хотели лис набить да горностаев в дальнем лесу, посмеялись над теми, кто говорил, что лес тот нехороший, да уж теперь-то не до смеха...

Иван заметил среди массивных варягов сухонького старичка в белой чистой одежде и с длинной бородой. На фоне рослых северных воинов он был незаметен. Это еще кто, интересно? По внешнему виду похож на волхва. Иван специально подгадал момент, чтобы высыпать землю рядом с новичками, ему хотелось рассмотреть их поближе. Упырь толкал пленников в спины, и варяги что-то грозно отвечали ему на своем языке. Иван их языка не разумел, но понять их было как раз нетрудно: сочтемся еще, отмстим, порвем на части.

Глупо это — упырю все равно, проклятия вурдалака не пугают, за угрозы даже замечаний не делают: хоть не останавливаясь площадной бранью вурдалака поноси, главное, копай. Старик же шел молча и был угрюм и чернее тучи.

— Старче, ты кем будешь? — спросил его Иван с интересом, надеясь, что старик окажется сородичем. — Похож ты, дедушка, на волхва.

— Волхвом и буду, — ответил старик, повернувшись к нему и внимательно осматривая. — Я жрец Световита из речного капища.

Закончив свой осмотр, он схватил Ивана за руку и, пристально глядя тому в глаза, произнес:

— Мы обязаны это остановить.

— Эх, деда, — грустно ответил ему Иван, — ты уж поверь моим словам, никто тут не желает остановить это больше, чем я.

— Вы хоть знаете, что вы тут откапываете? — Старик смотрел на него мудрым и грустным взглядом.

— Тут у нас разные догадки бродят, — начал рассказывать Иван. — Одни считают, что упыри хотят землю насквозь прокопать, чтобы воочию увидеть, на чем она держится. Другие говорят, что решили они тут озеро устроить. Зачем им озеро — я не знаю, но кто их, упырей, разберет, что им нужно. Я же, если честно, думаю, что они тут замок какой подземный сделать надумали, чтобы в нем жить. Им к земле поближе приятно, должно быть...

— Никто из вас не прав, — оборвал его старик.

— Можешь новое объяснение предложить, — оживленно сказал Иван, — месяц назад из города книжник попался, так он уверяет, что упыри хотят мать-землю ранить.

— Не могу я сказать, а только обрушить эту яму нам необходимо, — печально ответил старик и дальше пошел молча.

— Скажешь тоже, дедушка, — грустно улыбнулся ему Иван, — яма не башня, ее не обрушишь...

Вурдалак довел пленников до дна ямы и снял оковы. Варяги собрались в круг и начали что-то обсуждать на своем языке, старик же принялся внимательно осматривать людей вокруг. А люди в яме собрались самые разные: большинство из них русичи, но попадались и степняки, было даже три диких магога, что живут в южных пустынях, одна шамаханка, невысокие северные узкоглазые дикари, роду-племени которых никто не знал, а теперь вот еще и варяги... Те тоже начали осматривать пленников, и, наконец, самый рослый из них, рыжий бородатый варяг, подошел к од-

ному из северных дикарей и вырвал у него рыбу, которую тот ел. Дикарь вылупил на него свои глаза и попытался отговорить викинга забирать у него еду, лопоча что-то на своем языке. Иван понял, что дикарь старается оградить варяга от беды — он давно заметил, что северные племена были совсем не злыми. Хорошие охотники и рыболовы, они жили небольшими общинами, в палатках из шкур животных или землянках, и были приветливы к чужакам. Варяг же понял северянина совсем не так, он грозно зарычал на того и начал есть рыбу с видом победителя. Дикарь с грустью смотрел на подходящего к ним медленной походкой вурдалака и не оставлял попыток убедить варяга, но тот не понимал его слов и оттолкнул северянина от себя. Друзья варяга попытались заступить упырю дорогу, они грозно кричали и махали руками, но тот равнодушно прошел сквозь них, играючи раскидав рослых морских воинов. Подойдя к рыжему, упырь толкнул того в грудь и вырвал рыбину из его рук. Варяг упал на землю, но тут же ловко вскочил на ноги и кинулся на упыря, однако тот снова отшвырнул его, не прилагая к этому никаких особенных усилий. Отправив рыжего варяга на землю в третий раз, упырь склонился над ним и показал ему один палец, после чего равнодушно пошел назад.

Варяг в недоумении сидел на куче земли и смотрел по сторонам, его товарищи медленно поднимались с земли, потирая ушибы. Снова раздались шаркающие шаги упыря, и тот появился, держа в руках новую рыбину; молча подошел к северному дикарю и вручил ее ему. Не глядя больше ни на кого, вурдалак развернулся и зашагал прочь, однако викинг так просто не сдавался. Он сжал в руках увесистый камень с острым краем и, подскочив сзади, обрушил его на голову вурдалаку. Удар был очень силен, и даже вурдалак пошатнулся. Его череп треснул, открылась рваная рана, из которой медленно начала вытекать тягучая как смола черная жижа. Вурдалак повернулся и отшвырнул викинга назад на кучу земли. Он снова склонился над варягом и показал ему еще один палец. «*Два*», — мелькнуло в голове у Ивана. Упырь снова отвернулся и на-

чал уходить. Медленно текущая по его голове кровь, казалось, вовсе его не беспокоила. Викинг вскочил и, сняв штаны, показал удаляющемуся упырю голый зад. Его товарищи весело засмеялись, считая, что одержали пусть и маленькую, но моральную победу. Вслед упырю полетели проклятия на их языке.

Мама давно называла Иванушку дурачком: другой бы только обрадовался, что появился кто-то, кого Вий заберет вместо него — а рыжий варяг, судя по его виду и блеску в глазах, сдаваться вовсе не собирался, — но Иван вспомнил, как веселился его друг Колода поначалу, и подошел к викингу. Он показал пальцем на упыря, потом на варяга и начал изображать, как умел, страх и боль. Скоморох из Ивана был неважный, но тем не менее рыжий викинг его понял.

— Убивайт? — спросил он Ивана, коверкая русское слово.

— *Они*, — Иван ткнул пальцем в вурдалака, — *съесть*, — он начал изображать жевание пищи, — *тебя*, — палец Ивана указал на грудь викинга.

Викинг задумался. Иван изобразил упыря, показывающего палец, и замотал головой, — *ПЛОХО!*

— Плойхо, — эхом отозвался варяг.

— Плохо, — подтвердил Иван и еще раз показал упыря.

— Эйрик! — ткнул себя в грудь викинг. Иван понял, что это его имя.

— Иван, — ответил он викингу, стукнув кулаком себя в грудь.

— Йован друг! — Викинг улыбнулся и обнял его за плечи, Иван улыбнулся в ответ.

— Ты умеешь говорить по-нашему? — спросил он викинга.

Тот солидно кивнул в ответ.

— Убивайт! Отдавай! Отрубайт! Сожгу! Друг! Делись! Баба! — начал перечислять он. Исчерпав запас знакомых слов, он задумался. Наконец, что-то вспомнив и улыбнувшись во весь рот, он, хлопнув себя ладонью пониже спины, добавил: — Зайдница!

Теперь у них с Эйриком было по два замечания, а это значит, что Вий будет выбирать, кого съедят на этой неделе. Впрочем, до его прихода оставалось еще два дня — кто знает, что еще может случиться.

Эйрик периодически показывал пальцем на вурдалаков и громко говорил Ивану: «Эйрик убивайт зайдница!» Однако Иван смог жестами убедить варяга и его друзей копать, а грозить пусть грозитя, вурдалаков это не сильно волнует. Вдруг Иван застыл от ужаса: краем глаза он увидел, как сверху в яму начал спускаться Вий. От ужаса из его рук вывалился березовый кол, которым он рыхлил землю. «Этого не может быть», — подумал Иван, до спуска же еще два дня, не мог он ошибиться.

Эйрик увидел, что Иван смотрит наверх, застыв от ужаса, он тоже поднял взгляд и увидел Вия.

— Зайдница? — спросил он Ивана, и тот молча кивнул.

Вий, как обычно, шел не спеша, у Ивана мелькнула в голове предательская мыслишка, что не стоило объяснять Эйрику его ошибку, но он ее тут же прогнал. Умирать, конечно, не хочется, но как он потом смог бы в глаза духам предков смотреть? Нет, не по-нашему это, не по-русски. А все же очень страшно смотреть, как Вий приближается... Все в недоумении переглядывались: отсчитывать дни до прихода Вия тут учились довольно быстро — даже маги, которых изначально было десять, через семь недель научились, наблюдая каждую неделю за смертью очередного сородича, а уж на что магог к разумению не приспособлен...

Однако в этот раз Вий не остановился в центре, как обычно, а двинулся дальше. Это было необычно, люди переглядывались, не зная, что ожидать от такого изменения ритуала. Вий шел и шел, пока наконец не остановился возле прибывшего сегодня старика в белом — жреца Световита, как вспомнил Иван. Старик поднялся со своего места и начал смотреть на Вия. Так они и стояли друг против друга, два таких разных старца. Молчали они довольно долго, внимательно изучая один другого. Наконец Вий первым нарушил тишину:

— Ты знаешь! — Было видно, что он не спрашивал, а утверждал.

— Догадался, — спокойно ответил старик.

— Но вслух произнести не можешь, — снова уверенно произнес Вий.

— Здесь, в этом месте, не могу, — сокрушенно согласился жрец.

Они снова молча посмотрели друг на друга.

— Я не могу рисковать, — наконец произнес Вий, явно что-то для себя решив, и указал на собеседника: — ОН!

Упыри кинулись к старику и вгрызлись в его плоть, но он, вместо того чтобы вопить и плакать, громко крикнул:

— УНИЧТОЖЬТЕ ЭТУ ЯМУ!

Все пленники с ужасом смотрели на страшную трапезу. Вий же, неспешно развернувшись, так же медленно пошел назад.

После того как упыри закончили поедать старика и разошлись, долго стояла гробовая тишина. Наконец Эйрик подошел к Ивану неуверенной походкой, еле переставляя негнущиеся ноги. Было видно, что эта сцена произвела впечатление даже на бывалого морского разбойника.

— Йован друг! — сказал он и приложил руку к сердцу. В этот раз он не улыбался.

Глава 4 ЗВЕРЬ ЗАМОРСКИЙ ЦУРЛЮПАХ

Киев всегда был шумным и живым городом: в речном порту разгружались ладьи и торговые суда из далеких стран и ближних княжеств, по улицам, шумно переругиваясь между собой, везли свои телеги ямщики и купцы, сновал по делам разный люд. Киев, отец городов русских — именно отсюда пошла держава, когда князь Кий, ставший позднее первым русским царем, назвал этот город столицей своего царства. Все дороги вели сюда, каждый князек сюда ехал, каждый купец свой товар вез, пока не привели те дороги, на беду, Тугарина Змея, да не одно-

го, а с ордой степняков. Но даже и он, взяв город решительным штурмом, огню его не предал, а, восхитившись красотой и взяв богатый выкуп, отошел восвояси.

Иван-царевич любил этот город не меньше, а то и больше иных его жителей. «Когда-нибудь и город, и все эти снующие по улицам люди — все станет моим», — подумал Иван. Основания для таких мыслей у Ивана имелись самые веские, потому как приходился он князю Владимиру старшим сыном и наследником, за что и называли его все Иваном-царевичем.

— Иванушка, ты не видел Царапку? — Младшая сестрица Аленушка отвлекла брата от государственных мыслей. Она вечно подбирала каких-то зверьков, в основном кошек, и носилась с ними как с писаными торбами. Зверьки взаимностью не отвечали и почему-то у Аленушки долго не заживались, хотя она разве что пылинки с них не сдувала.

— Опять небось помер твой зверек, — отмахнулся от сестры Иван и снова начал смотреть в окно.

— Только не Царапка, пожалуйста, — заплакала Аленушка, — Царапка — хорошая кошечка.

— Ну, может, убежала просто и вернется скоро. — Иван, увидев слезы на лице сестры, поспешил ее утешить.

— Не вернется, — обреченно вздохнула Аленушка, — они никогда не возвращаются.

— Есть у меня средство помочь горю твоему, — напустил на себя таинственности Иван.

— Это как? — Аленка вскочила бочком на окно и села рядом с братом.

— А вот сейчас Серый Волк как раз и должен принести, — снова проговорил загадочным голосом Иван.

— Кого, Иванушка? — изнывала от нетерпения Аленка.

— Зверя! — резко вскрикнул Иван и, выпучив глаза, схватил сестру за бок, та взвизгнула и засмеялась. — Заморского зверя, который не убежит и которого случайно не раздавишь.

Зверя этого он заказал знакомому купцу давно, да лишь сегодня купеческая ладья прибыла наконец в порт.

Приятель Ивана, которого все в шутку называли Серым Волком — соль шутки была в том, что был Волк не серым вовсе, а очень даже рыжим, да еще и страшно конопатым, — уже давно отправился за гостинцем и скоро должен был вернуться. Наконец они увидели Волка, бегущего вприпрыжку по улице и прижимающего к груди плетеное лукошко. Подбегая к терему, тот помахал Ивану в окне — мол, все в порядке.

— Ну что за зверь, Иванушка, ну скажи! — Аленка вся извелась, нетерпеливо ожидая, пока Волк поднимется по лестнице в горницу.

— Зверь заморский прибыл! — весело гаркнул Волк, заходя в комнату.

Иван рукой решительно отстранил сестру, попытавшуюся заглянуть в лукошко раньше положенного срока.

— Зверь заморский, как будто специально богами создан для тебя, Аленка, — начал торжественно декламировать Иван. — Бегать быстро не умеет, ест мало, и то одну траву, да еще его и не раздавишь так просто, потому как в панцире он родился, что рыцарь тевтонский. Да еще и живут они не один век.

— Зверь заморский ЦУРЛЮПАХ! — Волк торжественно достал существо из лукошка и положил перед Аленкой.

Зверь задумчиво постоял немного и медленно пошел вперед. Аленка придирчиво осматривала животное, склонив голову набок и высунув язык.

— Не годится, — наконец вынесла она вердикт.

Иван с Серым Волком переглянулись.

— Он же совсем не пушистый, — пояснила Аленка, — такой зверь — не интересный.

— Это потому, что он после долгого путешествия, — наконец нашелся Волк.

— Точно, — подхватил Иван. — Если его кормить хорошо и заботиться, цурлюпахи — они о-го-го какими пушистыми становятся.

— Что-то не верится мне, — нараспев протянула Аленка недоверчивым тоном.

— Ты разве не слышала поговорку «Пушистый как цурлюпах»? — широко раскрыв глаза, спросил Иван сестру.

— Не слышала я такой. — Аленка всем своим видом выражала крайнюю степень недоверия.

— Потому что маленькая еще, — осадил ее Иван. — Все купцы так говорят, кто в дальних странах бывает. Из цурлюпахов даже шапки меховые шьют, в Шамаханском царстве такая мода, я слышал.

— Не дам цурлюпаху на шапку, — Аленка схватила зверька в руки и прижала к себе, — я его обогрею, и он будет пушистый-пушистый.

— Только не сразу, — поспешил встрять Волк, — он долго плыл, от дома далеко теперь, ему привыкнуть надо — к зиме распушится, не раньше.

Аленка ускакала в обнимку со зверьком, провожаемая озадаченными взглядами брата и его приятеля.

— К слову, раз уж про купцов зашел разговор — какие новости привез Афанасий?

— Есть новость — уж всем новостям новость, — весело глянул на товарища Волк.

— Ну давай уже, не томи.

— Кощей-то на Тривосьмое царство войной пошел!

— Ого, — Иван ахнул от неожиданности, — он же столько лет в своем царстве сидел, носу наружу не казал, а тут — войной! А если степняки ему в спину ударят?

— Говорят, что и степняки с ним.

— Вот это дела, — произнес Иван изумленно, — Кощей и степняки — вместе... Чего только на свете не бывает!

Иван попытался проскочить мимо стоящего в дверях богатыря, но тот легко поймал его одной рукой.

— Не велено пущать никого. — Верный богатырь Колыван, нахмутив брови, загородил дверь в палаты княжеские своей широкой спиной.

— Ну, Колываша, это же я, батюшка меня, поди, ждет не дождется... — попытался умаслить богатыря Иван.

— Не велено пущать никого, — снова пробасил Колыван, — на то личный княжеский был указ.

— Эх ты, служака, — не обидевшись, проворчал царевич, — приказ дадут лоб расшибить, так ты и расшибешь ведь!

— Даст князь указ лоб расшибить — значит, лоб расшибу, — спокойно согласился Колыван, — а коли дал князь указ не пущать никого, так никого и не пропущу.

Поняв, что ничего от богатыря не добьется, царевич вышел из горницы и спустился с крыльца.

— Не пустили, — услышал он насмешливый голос Волка.

— Ну так ведь Колыван, — развел руками Иван, пояснять не было нужды, нрав богатыря Колывана был всем известен. Иван-царевич к Колывану относился хорошо — он со всеми отцовскими богатырями пытался приятельствовать, — но все же той теплоты, что была у него в отношениях с большой тройкой богатырской, как называли Илью, Алешу и Добрыню, от Колывана было не добиться. Шуток тот не понимал и к службе относился уж очень серьезно.

— Думаешь, и у нас война будет? — с сомнением произнес Серый. — У нас с Кощеем порубежья нету.

— Как же можно в стороне оставаться, когда соседнее царство в такой беде? — удивился Иван. — Да и княгиня Тривосьмого царства Василиса — тетка моя единокровная.

— Не знаю, Ваня, то дела ваши княжеские, мое дело — тебе свое плечо всегда подставить. Мое слово всегда за тебя будет, как и меч мой, да только пока немного то слово стоит, да и меч не то чтобы богатырский.

Разговор их был прерван выбравшимся из княжеского терема боярином Полканом, хозяином княжеского тайного двора, что заведовал сыском и разведкой.

— Дядя Полкан, — набросился на него тут же царевич, — ты все в государстве знаешь; скажи, война будет?

У Полкана была одна отличительная черта, собеседников порой раздражающая, но для человека его должности безусловно полезная. Боярин никогда не отвечал сразу, всегда сначала думал и только потом давал ответ. Для

того, кто заведовал тайным двором Тридевятого царства, привычка нужная. Полкан всегда знал много, а говорил мало, Иван-царевич справедливо полагал, что ореол таинственности помогает боярину создать впечатление, будто знает он намного больше, чем было в действительности.

— Это мне неизвестно, — наконец ответил Полкан.

— Разве вы с отцом не о Кощее говорили? — удивился Иван.

— Не о нем, — снова подумав, ответил Полкан, — о том вечером большой совет будет.

— Что-то занимает и князя, и хозяина тайного двора больше, чем вторжение Кощея? — еще больше удивился царевич.

— Деньги, — опять подумав, ответил Полкан.

— Как скучно, — протянул Иван, — деньги государству нужны, спору нет, но чтобы накануне таких событий...

— Это не скучные деньги, — в этот раз Полкан ответил гораздо быстрее, чем обычно, Иван даже не успел закончить свою фразу, — это... необычные, странные деньги.

Иван хоть и не прожил годов многих, а впервые видел, чтобы Полкан был чем-то озадачен — видно было, что он даже слова правильного подобрать не может.

— Фальшивые, что ли? — попытался встрять в разговор Волк.

— Если бы, — задумчиво протянул Полкан, снова немного подумав, — впрочем, царевич, вас к вечеру батюшка на совете тоже ждет, как раз про Кощея будет разговор.

Откланявшись, Полкан зашагал к себе в терем, что находился на самой окраине города, «дабы худые люди воплями своими во время дыбы да железа каленого не нарушали сна и покоя горожан добрых», — как однажды услышал Иван.

— Стало быть, пойдем походом на Кощея, — Иван-царевич довольно потер руки и потянулся во весь рост, — и уж кому поход возглавить, как не княжескому сыну.

Он был доволен, что, когда наконец завертятся такие дела государственные, он уже совершеннолетний, — даже отец на совет его зовет. Напал бы Кощей на два года рань-

ше, тот же Полкан его бы даже к терему не подпустил, а теперь разговаривает уважительно.

— А не сожжет змей войско? — Волк совсем не выглядел воодушевленным, — Финист — Ясный Сокол тоже не глуп был, и войско с ним шло отменное, а вон как получилось.

Еще до рождения Ивана князь Финист — Ясный Сокол попытался разбить Кощея в открытом бою. Кощей незадолго до того с трудом отразил набег степняков, и всем казалось, что царство его было слабо — только ткни посильней, оно и рассыплется, как снежная крепость. Ткнуть-то дело нехитрое, да Кощей не так прост оказался. Аккурат во время боя над полем Калиновым взмыл в небо Змей Горыныч и огнем обрушился на войско. Много тогда славных воинов полегло, потому как никто не знал, что змей с Кощеем заодно оказались. Горынычи до того в Черной горе жили и оттуда далеко не улетали. Говорят, сам Святогор на ту гору ходил, и даже одного змея убил, но вот тех, кто не вернулся и ничего не рассказал, было намного больше.

— Раньше про змея не знал никто, кто же мог подумать, что они с Кощеем будут вместе? А теперь мы про него знаем. А раз знаем, так не первый год думаем, как его одолеть. — Иван старался выглядеть уверенно.

— И что же за управа у вас на змея? — с интересом спросил Волк.

— По правде если сказать, я и сам не знаю, — немного смешался Иван. — Но я своими ушами слышал, как Алеша говорил Добрыне, что, мол, вот теперь у нас есть на змея управа.

— Раз Алеша с Добрыней считают, что есть, значит, есть точно, — согласился Волк. — Не те это люди, чтобы попусту языками чесать.

Время тянулось нестерпимо долго, Иван буквально изнывал в предвкушении своего первого взрослого военного совета. Нет, ну все же есть на этом свете высшая справедливость, или боги к Ивану благосклонны: зимой наконец справил свои шестнадцатые именины — и вот уже весной

началась война, да какая! Судя по всему, Кощей со степняками походом идет на соседнее царство. Дух захватывает от предвкушения! Только бы отец сам не попытался возглавить войско — а тогда кому, как не наследнику, вести войска?

Иван с Серым Волком проталкивались сквозь толпу. Охраны царевич с собой не брал — кого ему бояться, в своей-то столице? Встречались и знакомцы, Иван со всеми здоровался дружелюбно, даже с подметавшим улицы дворником Герасимом — хоть и был тот глухонемым от рождения, а нрав имел добрый, чем и пользовались беззастенчиво все окрестные собаки. Одна здоровая сука как раз лежала возле него, лениво наблюдая, как дворник метет улицу. Печкарь и кузнец, гонец и скорняк, пухлая жена рыбака и старушка, вечно кормящая голубей, — кого только Иван не встречал на своем пути... Князь Владимир всегда заповедовал ему любить свой народ, быть, когда нужно, строгим, но всегда справедливым. «Отец не вечен, однажды князем всех этих людей стану я», — Иван тут же отогнал от себя крамольную мысль, дай бог батюшке здоровья. Он давно решил, что будет самым лучшим князем из тех, что знала земля: добрым и справедливым, верным друзьям и обещаниям, беспощадным к врагам, милостивым к народу.

Вокруг все судачили о предстоящей войне, новости из порта расходились стремительно. Пока Иван с Волком шли от княжьего терема к порту, они успели услышать много чего:

— Кощей со степняками уже сожгли и Рязань, и Муром и теперь стоят прямо под стенами Владимира.

— Кощей давно разбит и бежал в свой Черный замок, где и ожидает смерти неминуемой.

— В этот раз с Кошеем не один Змей Горыныч пришел, а трое, один злее другого.

— Микула Селянинович уже убил Кощея в поединке.

— Кощей убил в поединке Микулу и съел его.

— Кощей сам ведет свое войско, а рядом с ним двое его черных богатырей, Идолище Поганое да Лихо Одноглазое, убивают без разбору всех — и старых и малых.

— Василиса Прекрасная бросила свою столицу и бежала в Киев, находились даже те, что уже видели ее там.

— Сам Тугарин Змей возродился и ведет свои тьмы степняков вместе с Кощеем.

Попадались даже совсем необычные слухи: например, что Кощей идет не с войной вовсе, а сватовством, чтобы жены взять Василису Прекрасную. В общем, было понятно, что никто ничего толком не знает. Иван решил самостоятельно расспросить прибывшего в порт купца Афанасия. Ладья Афанасия стояла в самом конце причала, по ней сновали туда-сюда с мешками работники. Сам купец был рядом и наблюдал за разгрузкой и погрузкой своей ладьи, стоя в окружении трех человек из команды, вида настолько залихватского, что попадись такие кому на дороге вечером, так их и за разбойников принять было бы несложно.

— Доброго здоровья тебе, дядя Афанасий, и в делах успехов, — вежливо поздоровался Иван.

Афанасий обернулся, отвлекшись от наблюдения за работой, и посмотрел на подошедших.

— А, царевич и его верный Серый Волк! — Афанасий улыбнулся сквозь свою окладистую бороду. — И тебе здоровья, и батюшке твоему, да продлятся его дни, как говорят на Востоке.

— Пришел поблагодарить за зверя заморского цурлюпаха.

— Всегда рад угодить, — усмехнулся купец, — а благодарность запросто можно выразить в снижении платы, взимаемой с купца государевыми людьми.

— Ну это пока не в моей власти...

— *Пока* нет, — снова усмехнулся купец, — ну тогда, пока князем не станешь, будет достаточно и простой благодарности.

— Дядя Афанасий, а скажи, цурлюпахи эти мехом покрываются? — встрял в разговор Волк.

— Мехом? — Купец задумался. — Нет, не слышал о таком; это ящерица такая заморская, только с панцирем.

— А как же они зимой живут? — разочарованно спросил Волк.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Охотник на богатырей	5
<i>Глава 2.</i> К вопросу о богатырях	14
<i>Глава 3.</i> Иван да яма	20
<i>Глава 4.</i> Зверь заморский цурлюпах	28
<i>Глава 5.</i> Василиса Прекрасная и ее богатыри	38
<i>Глава 6.</i> Изгнанники без царства	47
<i>Глава 7.</i> Шут веселый и не очень	61
<i>Глава 8.</i> Гроза окрестных кур	73
<i>Глава 9.</i> Восточная красавица	81
<i>Глава 10.</i> На дорогах неспокойно	85
<i>Глава 11.</i> Кот на обочине	92
<i>Глава 12.</i> Степная дипломатия	100
<i>Глава 13.</i> Собирательница диковин	106
<i>Глава 14.</i> Уговор дороже золота	114
<i>Глава 15.</i> Жених иноземный	119
<i>Глава 16.</i> Бой с нечистой силой	124
<i>Глава 17.</i> Пророчества никогда не врут	138
<i>Глава 18.</i> Владимир Красное Солнышко	143
<i>Глава 19.</i> Назад в Берендеево царство	149
<i>Глава 20.</i> Маленькая княгиня	156
<i>Глава 21.</i> Удалой купец	165
<i>Глава 22.</i> Великая степь скорбит	172
<i>Глава 23.</i> Жених показывает зубы	177
<i>Глава 24.</i> На неведомых дорожках	181
<i>Глава 25.</i> Глубина, я не твой	185
<i>Глава 26.</i> На пути в Киев	192
<i>Глава 27.</i> Аленкино войско	198
<i>Глава 28.</i> В гостях у ягг	202
<i>Глава 29.</i> Битва у Протолчего брода начинается	206
<i>Глава 30.</i> Сражение с войском подменьша	210
<i>Глава 31.</i> Святослав вступает в дело	218

<i>Глава 32.</i> Новая жертва	221
<i>Глава 33.</i> Черный батыр набирает силу	225
<i>Глава 34.</i> Окончание битвы у Протолчего брода	230
<i>Глава 35.</i> Сколько волка ни корми	237
<i>Глава 36.</i> В поисках Китежа	242
<i>Глава 37.</i> Где заяц?	249
<i>Глава 38.</i> Сколько жизней у кошки?	256
<i>Глава 39.</i> Великая степь в гневе	264
<i>Глава 40.</i> Казимир узнает новость	268
<i>Глава 41.</i> Легендарный царь	272
<i>Глава 42.</i> Слабосильный богатырь	277
<i>Глава 43.</i> Гостеприимство Кудеяра	281
<i>Глава 44.</i> Ратибор предлагает союз	288
<i>Глава 45.</i> Иван-дурак в гостях у варягов	296
<i>Глава 46.</i> Остров Буян	302
<i>Глава 47.</i> В Чернигове	304
<i>Глава 48.</i> Новая жертва кота-людоеда	319
<i>Глава 49.</i> Разговор с сыном	325